

Иркутская история. Ветер Свободы. 25 лет назад иркутские художники вышли со своими работами на улицы города

Этот юбилей, если и будет вдруг отмечаться в Иркутске, то – не в торжественной обстановке с докладами-выставками-фуршетам. Ну, может быть, в лучшем случае, соберётся дюжина человек у кого-нибудь в мастерской или на квартире, вспомнят прошлое, фотографии полистают... Крепко выпьют.

Правда, Олег Переверзев из своего французского далёка звонил, полушутя-полусерьёзно предлагал: «А давайте отметим юбилей «Круга» здесь, в Париже! Соблюдём, так сказать, преемственность: где ещё отмечать это дело, как не в кафе на Монмартре? Ты – как?»

Я-то был бы не против, да только боюсь, что из этой затеи вряд ли, что выйдет: большинству из тех, кто летом 1989 года вышел со своими работами на «Круг» – на смотровую площадку, что на бульваре Гагарина, напротив «Интуриста» – что тогда, что сейчас никакой Париж не по карману: быть бы живу. За всех не скажу, но многим – точно не по карману. Правда, есть и такие, кто начинал с «Круга», а затем успешно раскрутился, и сейчас, что называется, пребывает в полном шоколаде – но, повторюсь: таковых – меньшинство. В меньшинстве и те, кто тогда, в восемьдесят девятом, начинал в Иркутске это неформальное движение уличных художников: почти все, кто сегодня продают свои работы у «Антея», или рисуют портреты на Урицкого или на Набережной – это уже «второе», «третье», а то и «четвёртое поколение». К уличным художникам можно относиться, как угодно, но факт остаётся фактом: они не просто существуют, и не просто стали неотъемлемой частью городской среды; история возникновения этого движения – это уже часть истории Иркутска. А коли так, то есть смысл рассказать о его зарождении подробнее.

Началось всё даже не в 1989-м, а на пару лет раньше, в 1987 году: именно тогда иркутский художник Олег Беседин, вернувшийся из творческой командировки на знаменитую «Челюскинскую дачу» («Челюху»), предложил коллегам «выйти в народ» – устроить что-то, вроде уличного вернисажа, эдакого «иркутского Арбата». В самом деле, эксперимент стоил того: вот так, просто – без искусствоведов, без профессиональных критиков и штатных культурологов выйти на улицу, показать свои работы людям... и услышать их мнение на предмет того, в самом ли деле ты настолько гениален, как уверял тебя давеча за бутылкой водки в мастерской сосед-художник, или... или – не очень-то?

Художник: Я художник!

Рабочий: А по-моему, ты г**!**

Художник тут же побледнел, как полотно,

И как тростинка закачался,

И неожиданно скончался.

Его выносят.)

(Даниил Хармс, «Случаи»)

На призыв Беседина отозвались Валерий Мошкин, Сергей Коренев, Борис Десяткин – ныне уже покойные, – Ирина Паклина, Александр Сергеевич Шипицын и Лев Борисович Гимов. Как вспоминает сам Беседин, «культурной революции» они тогда, конечно же, своим выходом к «Шпилю» – на Набережную Ангары – не совершили, но... но и они, художники, и случайные прохожие-иркутяне вдруг почувствовали что-то... какую-то взаимную симпатию. Лёд тронулся, господа! – лёд тронулся, и тот ласковый майский ветерок, что дул с Ангары – не был ли он тем самым, первым Ветром Свободы?...

Ни в восемьдесят седьмом году, ни на следующий год эти «походы в народ» ещё не были регулярными: художники выходили к «Шпилю» от случая к случаю, иногда договариваясь заранее, а иногда и поодиночке. Само собой разумеется, некоторые из тех работ, что они выставляли вдоль парапета, тут же продавались;

кто-то прихватывал с собой папку с листами ватмана, карандаши, и здесь же рисовал портреты прохожих – но о том, что пройдёт всего несколько лет, и их коллеги будут приходить на Набережную, как на работу, а рисование уличных портретов станет, едва ли, не новой профессией, никто из них тогда, конечно же, и не думал.

Кому первому пришла в голову идея переместиться со старого места, от «Шпиля» в сторону гостиницы «Интурист», на смотровую площадку, именуемую в просторечии «Кругом», теперь уже, наверное, никто и не вспомнит. Случилось это два года спустя, в 1989-м – и вышло так, что никого из зачинателей «уличных вернисажей» здесь уже не было. Не хочу никого обидеть, но здесь, на «Круге» (или, как говорили тогда, «на Кругу») собралась публика попроще. Среди тех, кто выставлял здесь свои работы, уже не было, кажется, ни одного члена Союза Художников – сюда вышли студенты Училища Искусств и те, для кого вступление в Союз было ещё относительно далёкой перспективой. Изменился и характер работ: на смену сюрреалистическим композициям Мошкина пришли виды родного города, иркутские пейзажи, церквушки, дворики – иногда достаточно добротные, а иногда и сделанные, что называется, «на невзыскательного покупателя». Уже тогда стало ясно, что «Круг» превращается в коммерческое предприятие, причём, ориентированное на иностранного туриста – но всё ещё было достаточно невинно.

Вспоминаю летние дни восемьдесят девятого. Жизнь на «Круге» начиналась, где то, в шестом часу вечера, что и понятно: многие из тех, кто выходил сюда, ещё не полностью переквалифицировались в уличных художников, и где-то просиживали рабочий день. Ближе к шести часам вечера приходил тучный художник Денис по прозвищу «Макси-Пух» – тогда ещё начинающий иллюстратор Восточно-Сибирского издательства. Он извлекал из сумки молоток и пару дюбелей, деловито вбивал дюбели в бетонный парапет на расстоянии метров пяти друг от друга. Затем натягивал между дюбелями леску, и с помощью алюминиевых прищепок прицеплял к этой леске свои работы. Вечером же, собираясь домой, Денис сматывал леску, аккуратно выдёргивал вбитые дюбели пассатижами – чтоб не спёрли, ага – а на следующий день снова вбивал их на прежнее место.

Вместе с Денисом прибывал Олег. Этот Олег был личностью загадочной: высокий, патлатый, похожий на Бориса Гребенщикова, он всегда выставлял здесь только пару-тройку работ, написанных тушью: сейчас, навскидку, помню только одну из них – на ней была изображена деревянная часовня, что стоит в Тальцах. Помню только один случай, когда Олег продал свою работу – и то, «работой» эту мазню можно было назвать лишь с большой натяжкой. Просто, Олег натянул на подрамник кусок холста, которым вытирал кисти – на этом куске холста у него непроизвольно получился размашистый розовый мазок, отдалённо напоминающий женский силуэт. Олег всё той же розовой краской пририсовал к этому мазку все полагающиеся женщинам округлости – и в тот же вечер продал эту свою «обнажённую натуру» какому-то пожилому японскому туристу! Помню, японец поглаживал Олегов холст, и всё повторял: «Зенсцина!... Руски зенсцина!... Карашо!»

Про Олега никто ничего толком не знал. А поскольку, оказавшись в непосредственной близости от «режимного объекта» – гостиницы «Интурист» – уличные художники сразу попали в поле зрения бойцов оперативного комсомольского отряда, то Олега, по началу, принимали за соглядатая. Он сам, смеясь, рассказывал потом: «ОКОДовцы принимали меня за КГБшника, а КГБшники – за ОКОДовца, художники думали, что я – фарцовщик, фарцовщики – что валютчик, а валютчики – что художник! И – никто меня не трогал!»

Я был, пожалуй, одним из немногих, посвящённых в тайну Олега: дело в том, что он собирался «валить», то есть, эмигрировать. Он и мне предлагал: давай, мол, свалим вместе – и чего я тогда не решился?... Ну, а «Круг» для Олега был местом «первичного накопления капитала» – ну, и тусовочным местом...

Очень колоритны были супруги Андрей и Татьяна, жившие неподалёку, в старой коммуналке где-то на Российской: Андрей писал маслом, на его холстах были берёзки, берёзки, берёзки... – а Татьяна продавала работы мужа. Иногда – с таким усердием и экспрессией, что это вызывало сначала некоторое замешательство, а потом – и неудовольствие всей остальной художнической братии. Впрочем, людей можно понять: после того полу-нищенского существования, в котором пребывали не только художники, но и большая часть населения позднего СССР, заработки на «Круге» казались огромными! – самая простая, открыточного формата карандашная картинка уходила здесь по 5 – 10\$, а один доллар здесь же можно было продать фарцовщикам по «чёрному курсу» за шестнадцать-семнадцать рублей. Вспомним, что средняя зарплата по стране в те годы колебалась от восьмидесяти до ста двадцати рублей, и всё станет понятно.

К слову, о долларах и прочей валюте. Среди тогдашних завсегдатаев «Круга» выделялся художник Кеша: высокий, весь какой-то нескладный, всегда с доброй улыбкой... Кешины работы были выполнены в манере французского примитивиста Анри Феликса Руссо, на больших листах ватмана, и он раскладывал их прямо на асфальте, придавив углы речной галькой. Однажды какой-то зазевавшийся велосипедист проехал прямо по

ним, но Кеша не расстроился: «След от протектора? Будем считать, что так и было задумано автором!» - и снова улыбается. Кешины листы никто никогда не покупал, но вот однажды его атаковали японцы: они купили у бедолаги десяток, кажется, работ, и расплатились валютой – иенами. Про курс валюты Кеша ничего не знал – а тут на него вдруг свалилось несколько тысяч иен! Вы представляете, что такое – несколько тысяч, да в иностранной валюте, да в 1989 году?! И Кеша тут же поспешил в валютный бар «Интуриста» (тогда уже туда можно было более-менее свободно пройти), на ходу бросив коллегам: «Угощаю всех!»

Через десять минут он вернулся... В руках у него была бутылка японского пива и пачка японских же сигарет «Hi-Lite» (впервые попав в валютный бар, он решил, что за японскую валюту здесь продают только японские товары, а например, американские – только за доллары). Впервые мы не увидели на лице Кеша улыбки – вместо неё было одно сплошное недоумение:

– Да как же так? – бормотал он, – Да я же с валютой... Ведь это же тоже валюта? – он совал всем под нос оставшиеся у него японские купюры, – А они... они...

Кеша едва не плакал, и его было по-настоящему жаль: ещё бы! – вот так, за здорово живёшь, стать жертвой валютного курса! А ведь он хотел всех нас угостить, хотел, чтобы мы все разделили с ним его радость...

Но – не будем больше о валюте: слишком скользкая тема. Да и не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, что на «Круге» собирались в те годы какие-то прощелыги, маскирующие свои меркантильные интересы под маской «свободных художников». Такое тоже было здесь, но – позже, позже – а тогда, в восемьдесят девятом, в девяностом, даже в девяносто первом здесь с наступлением сумерек из рюкзаков доставали свечи в литровых стеклянных банках; свечи зажигали и расставляли вдоль парапета – и пламя этих свечей бросало отблески на картины, на тротуар, на траву. Едва ли, не каждый вечер здесь звучала музыка: то Юра Немеров приходил сюда с флейтой, то босоногая скрипачка Ветка (ей, кстати, очень шло её имя: худенькая – Ветка и есть!) приходила сюда со своей скрипкой... Вообще, «Круг» в те годы, как магнит, притягивал к себе тогдашнюю «неформальную» молодёжь – всяких хиппи, рокеров, панков. Регулярно приходили сюда и солист «Принципов...» Вадик Мазитов, и лидер первой иркутской «металлической» группы «Хижина Мельника» Егор Елшанский, который через пару лет покинул Иркутск, и теперь жарит хеви-металл где-то по ту сторону Атлантики на пару с Оззи Осборном. Здесь знакомились, влюблялись, и – если предков не было дома, то потихонечку уходили вдвоём, и шли в пустую родительскую квартиру за первым опытом «взрослой жизни»...

Такое безнаказанное скопление «неформалов», помню, сильно нервировало и раздражало окрестных гопников: сам я не был тому свидетелем, но рассказывали, что как-то окрестная гопота поймала на «Круге» кого-то из «волосатиков» и обрила наголо механической машинкой. То и дело, скучающие по своим дворам гопники задирали кого-нибудь из наших друзей, имевших неосторожность уходить с «Круга» поодиночке – и тогда, как-то сама собой, появилась традиция возвращаться в город большими компаниями, провожать девчонок. А однажды – уже, кажется, не летом, а в начале осени восемьдесят девятого – «бродовские» гопники собрались достаточно внушительной командой, и предприняли попытку открыто атаковать ненавистных (и непонятных!) им неформалов. Вот тогда-то и произошла на «Круге» драка – первая, но далеко не последняя: забегая вперёд, скажу, что именно эти атаки на собиравшихся здесь художников и «примкнувших к ним» молодых неформалов и положили конец «Кругу» как явлению. А тогда... Тогда нападавшие получили отпор: помню, как высоченный, лохматый и одноглазый панк Одинокый, словно какой-то римский легионер, врезавшийся в толпу наседавших варваров, молотил нападавших направо и налево, и орал на весь круг: «Парни! Девчонок и Ромку Гаврилина прячем за спины! Впер-рёд!...»

...Уже через год-другой всё было совсем иначе: «Круг» всё больше и больше превращался в место заработка. Помню, как стали появляться здесь разные мутные персонажи, вроде какого-то спившегося черемховского актёра, который покупал в сувенирном отделе «Торгового Комплекса» расписные деревянные ложки, и беззастенчиво «толкал» их иностранцам втридорога (и, естественно, за «баксы»!), выдавая за собственные изделия. Помню и откровенного «засланца», выпасавшего тех, кто зарабатывает уж слишком много валюты, и сообщавшего об этом, «куда надо»: этот персонаж в неизменных тёмных очках и белых лакированных туфлях, знакомясь со мной, небрежно бросил: «Меня здесь все знают! Моя фамилия – Фарцовский! Если будут проблемы – свистни...».

«Проблемы» начались у всех здешних завсегдатаев в девяносто втором: те самые гопники, что устроили то, первое побоище в восемьдесят девятом, теперь приходили на «Круг» с «предложением, от которого нельзя отказываться» – о «крышевании». Жаловаться было некому: все прекрасно понимали, что родная милиция за валютные шашни с иностранцами, мягко говоря, по голове не погладит. Понимали это и гопники, ставшие «торпедами» в рэкетирских «бригадах» – оттого и вели себя достаточно нагло. Всё лето 1992 года на «Круге»

происходили потасовки с крушением и уничтожением картин; те немногие, кто ещё приходил сюда, в первую очередь, ради общения, и только во вторую – ради заработка, предпочли поскорее забыть о «Круге». Потом сдались и остальные: нет, никто никому так и не стал платить – просто, вместо «Круга», художники переместились на другие площадки: кто ушёл в ЦПКО или на Урицкого рисовать портреты, кто встал со своими картинами возле «Антея» (который тогда ещё был не «Антеем», а «ПолитКнигой»), кто просто решил для себя, что хватит с него всей этой «уличной романтики». А Олег – тот самый, «загадочный» Олег – в тот год уехал в Германию, откуда вскоре перебрался в Париж, и иногда позванивает мне из своего французского далёка.

«Последним рыцарем» былого «Круга» я назвал бы, пожалуй, художника Стаса Духовникова: в девяностые Стас даже время от времени выпускал самую настоящую газету под названием «Круг» – естественно, посвящённую неформальной творческой жизни родного города. Правда, выходила эта газета, в лучшем случае, раз в год...

А недавно я встретил Стаса на Нижней Набережной:

– Старичок! Сколько лет, сколько зим! – Стас был рад видеть меня, – а мы тут, как раз, с Володей, – он кивнул в сторону ещё одного художника, сидевшего здесь же, – сидим и вспоминаем, кто был на «Круге» тогда, в восемьдесят девятом, в девяностом... Нынче же у нас юбилей – двадцать пять лет «Кругу»! Вот здорово бы было устроить выставку тех художников, которые это дело начинали! А ещё – издать какой-нибудь буклет или альбом – мы бы все воспоминания свои написали, фотографии бы притащили! Ты же в газете сейчас работаешь? Попробуй что-нибудь придумать, спонсора какого-нибудь найти...

Я обещал поспрашивать, но боюсь, что ничего-то из этой идеи не получится: не тот повод, чтобы наши меценаты раскошелились. Достаточно и того, что, умерев, «Круг» подарил Иркутску такое явление, как уличные художники: кто бы что ни говорил – а всё же, не так уж и плохо, что они в Иркутске есть.

Предыстория Круга 1987-88 г.г. Фото О. Беседина.

Александр Мишкин. Патриарх.

Беседин за работой.

Деловые люди. Непринуждённо бомбят фирму.

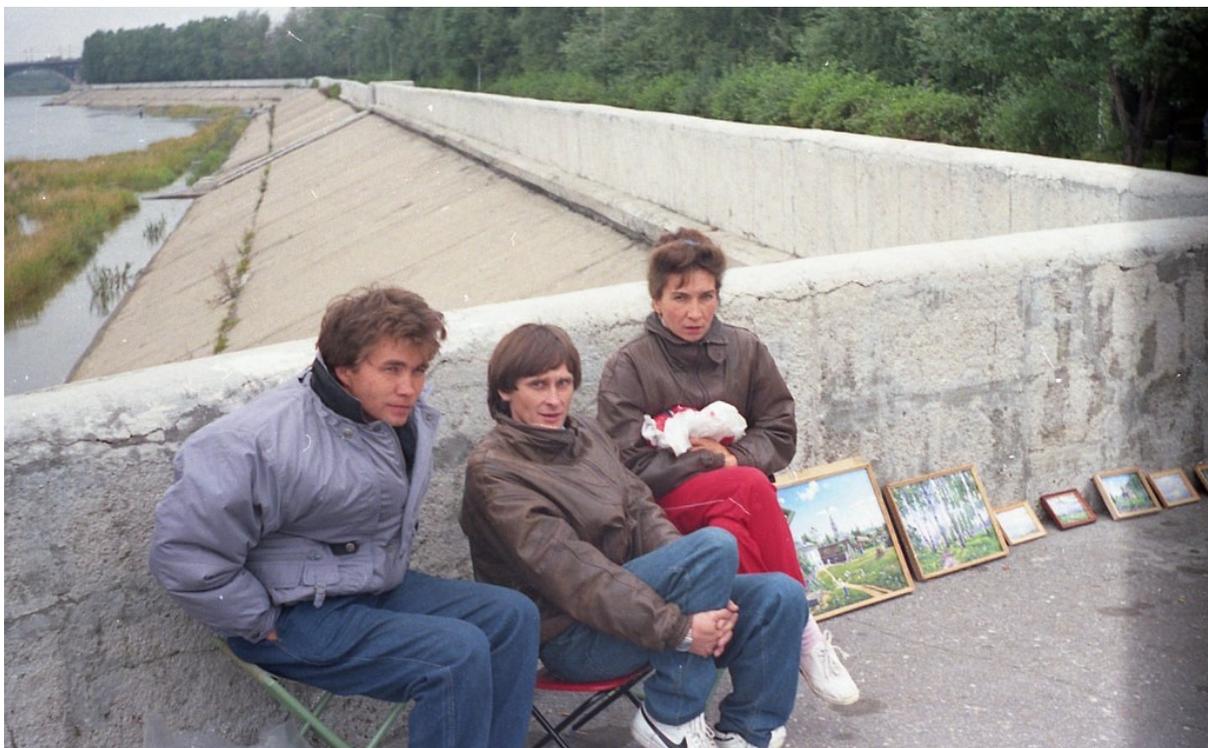
Иркутск, 1991 г. Лиля и Олег Переверзев. Через год они уедут в свой Париж..."

Иркутские панки Клэш и Одинокый на гастролях в Петербурге.

Лиля. Мадонна Круга. Фото Д. Веснина.

На Кругу. Весна 1990.

Неформалы у Шпиля, 1989 г. Фото Д. Веснина.

Патриархи. Олег Беседин и Александр Москвитин.

Пост-Круг. Ул. Урицкого. Стоят Олег Беседин и Константин Антипин. Сидят Андрей Корчагин и Стас Духовников.

Пост-Круг. Художники на Урицкого. Нач. 1990-х.

В качестве иллюстраций использованы фотографии Олега БЕСЕДИНА (<http://besedin-oleg.livejournal.com/177795.html>), Димы ВЕСНИНА и материалы из личного фотоархива автора.

Автор: Роман Днепроvский © Babr24.com КУЛЬТУРА, ИРКУТСК 👁 29715 11.08.2014, 15:04 🏠 1849

URL: <https://babr24.com/?ADE=127870> Bytes: 17368 / 16443 Версия для печати

👍 Порекорендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм
- Джем
- ВКонтакте
- Одноклассники

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Роман Днепроvский**, обозреватель.

На сайте опубликовано **42** текстов этого автора.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)